

ЖИТЕЙСКИЕ пути-дороги очень давно — более полувека назад — свели меня с этим интереснейшим человеком и замечательным художником.

Юный Эраст Гарин стал учеником Всеволода Мейерхольда и затем вступил в группу его театра после самоотверженной «пробы пера» в самодеятельном театре рызанского гарнизона, после работы в московском самодеятельном театре Красной Армии и в качестве одного из руководителей краснопресненского клуба комсомола. Поначалу в мейерхольдовских спектаклях играл он небольшие, эпизодические роли вроде Ванечки в «Смерти Тарелкина» (1922), повара в «Земле дыбом» (1923), поэта в «Д. Е.» (1924), но уже в этих первых работах ощущалось характерное своеобразие его актерской манеры, склонность к эксцентрике, гротеску. В «Д. Е.» он продемонстрировал и блестящее искусство трансформации, причем каждому из многих действующих лиц, изображаемых им, актер сумел придать явно выраженные индивидуально-типические черты (позже Э. Гарин сыграл пять ролей в незавершенном фильме «Дорогой племянничек»).

Но мне думается, что понастоящему Гарин нашел себя, всецело и надолго определил свой творческий путь, работая над ролью Павла Гулячкина в пьесе Н. Эрдмана «Мандат», которую Мейерхольд поставил в своем театре в 1925 году.

Вспоминая далекое прошлое, я прихожу к выводу, что Эраст Гарин был одним из любимых учеников Всеволода Эмильевича, даже, пожалуй, самым любимым. Конечно, возникали, видимо, и у Гарина сомнения, он спорил, иной раз остро, с иными положениями мейерхольдовской теории и творческой практики. Но он взял у учителя только лучшее, ценное, подлинно творческое. А ведь иные, на первых порах особенно, замешивали и дурное — ставку на ошарашивание зрителя необычным в оформлении спектакля, мизансценах, костюмах, во всех слагаемых театрального зрелища.

И я уходил из театра Мейерхольда дважды, но, как это ясно мне теперь, по несколько иной причине: я не понимал тогда всей, так сказать, комплексной значимости мейерхольдовских исканий и преувеличенно остро реагировал на те негативные стороны его режиссерской практики, о которых упомянуто выше. Э. П. Гарин глубже и серьезнее воспринял и оценил широту взглядов В. Э. Мейерхольда как художника, и именно это, а не внешне оригинальничанье, взяв за основу своего творчества.

Гулячкина — тупоумного обывателя, мещанина, страшного безапелляционностью сентенций, убежденностью в непреложности своих диких взглядов, беспрерывностью нелепых действий, — Гарин сыграл так ярко и своеобразно, с такой силой разоблачения всей пустоপরজনней и вредной сущности своего героя, что предопределил и точность, и накал зрительского восприятия в полном соответствии с замыслами автора, режиссера, исполнителя. Я утверждаю, что в образе Гулячкина явственно просматривались как черты многих других персонажей, созданных Гариним впоследствии, так и основные элементы неповторимой, типично гаринской манеры игры: манера двигаться, говорить, жестиковать, мимика лица, своеобразие жеста, — словом все то, что в сумме своей можно назвать гаринским стилем актерского искусства.

Следом за Гулячкиным — новые творческие успехи: Хлестаков в «Ревизоре», Чацкий в «Горе ума» — так назывался в театре Мейерхольда спектакль по бесмертной комедии Грибоедова. Нет нужды подчеркивать, как различны эти персонажи. И Хлестаков, и особенно Чацкий в исполнении Гарина оказались отнюдь не традиционными, не такими, какими их привыкли видеть зрители за долгую сценическую историю этих классических произведений русской драматургии.

...Неповторима интонация то ли слегка удивленного, то ли чем-то обиженного человека, какая-то не то наивность, не то растерянность, словно извечное недоумение, застыли на лице. Глаза беспokoйно-испуганные и пугающие, то полные пытливых мысли, то словно ошарашенные, остановившиеся или устремленные в невидимую нам точку неведомого нам мира. Меланхолическая отрешенность от окружающей действительности, углубленность в себя вдруг сменяются предельно открытым выражением чувств, эмоций, переживаемых в данный момент его героем. Характерная манера произносить слова всегда в нос и так, что даже фраза, утверждающая что-либо, звучит вопросительно...

Все это элементы той постоянной актерской маски, которую Гарин создал для себя и которая, при бесчисленном множестве вариаций, позволяет ему создавать образы, непохожие один на другой, неповторимые, одаренные всем богатством человеческой индивидуальности.

Вот почему и Хлестаков, и Чацкий получились у него особенными, гаринскими, со своей походкой, манерой речи, а главное, как бы высвеченными изнутри.

люди искусства

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
народный артист СССР

ченными изнутри. Артист обнажил перед зрителем их душу, осуществил анатомию, а затем синтезировал их внутренний мир, и стало ясно, что это за люди, чем они живут и дышат, какова их глубинная сущность.

Актерская маска Гарина универсальна, как маска Чаплина, она пригодна для исполнения ролей, наполненных самым различным содержанием, для изображения людей, относящихся к самым различным типам человеческого общества. И все его успехи, как в театре, так и в кино, лежат в плоскости разработки и углубления, все большего совершенствования и разнообразного использования этой маски. А когда он, как и Чаплин, выбирал из своей маски или применял ее недостаточно точно, что-то терялось, возникали срывы или полуудачи.

Вот как сам Эраст Павлович говорит по этому поводу в своей книге «С Мейерхольдом», вышедшей в 1974 году, в которой обнажает «мейерхольдовские» истоки своего творчества:

«Маска — это не примитивное изображение лежащих на поверхности черт в однажды подмеченном, застывшем состоянии. Маска вбирает в себя не только уже всем известные свойства определенного социального типа, так сказать, «общественной данности», но и те глубоко скрытые черты, которые существуют пока лишь в зачаточном состоянии.

...Особенностью моей киномаски (возможно, это мое индивидуальное свойство) я считаю олиричность той исключительности, той эксцентрики, которая в ней обязательно присутствует. Не лиризм, не лиризмическое начало, как его понимают, имея в виду жанр, а то, чем обогащается образ, пропущенный через актерское «я», через субъективный внутренний мир актера...»

Я так подробно остановился на начальном периоде творчества Э. Гарина и на теме «маски» потому, что кто же, как не тогдашние соратники-очевидцы, должен рассказать об этом, и потому, что ведь именно открытие, отработка для себя этой маски определили творческие успехи Гарина как в театре, так и в киноискусстве.

Гарина-киноактера наши зрители знают лучше, чем Гарина-актера театра, поэтому достаточно лишь напомнить, что, оставаясь самим собой, не изменяя своей актерской манере, своей маске, Гарин создал такие разнообразные, разнохарактерные, разнозначные «положительные» и «отрицательные», комические и трагические образы, как Подколесин в гогазовской «Женитьбе» и наш современник шофер Тараканов в «Музыкальной истории», Жених в чеховской «Свадьбе» и страшный в своей зоологической злобе и невежестве дьячок Савелий Гыков в чеховской же «Ведьме», учитель Виташины в «Аленке» Б. Барнета и Вожак в «Оптимистической трагедии» (в постановке С. Самсонова), Тарелкин в «Веселых распуловских днях» (в спектакле и фильме по «Смерти Тарелкина» А. В. Сухово-Кобылина) и Колосков в «Неоконченной повести» (режиссер Ф. Эрмлер). Впрочем, статья не послужной список, читатели (они же кинозрители), конечно, вспомнят еще немало экранных работ популярного артиста. Но нельзя не упомянуть трех сыгранных Гариним, каждый раз по-разному, королей — в «Золушке», «Обыкновенном чуде» и «Наине XVIII» по пьесам Е. Шварца, необыкновенного сказочника, встреча с которым оказалась такой плодотворной для Гарина. С большим успехом сыграл Гарин роль Тени в театре Н. Аки-

мова, а потом поставил «Тень» Е. Шварца в Московском театре сатиры.

Нельзя не упомянуть и о режиссерских работах Э. П. Гарина. Их много. Он ставил спектакли один или совместно с другим и соратником Х. Ложиной на сценах театров Москвы и Ленинграда, ставил фильмы (среди них такая популярная лента, как «Доктор Калужный»), плодотворно творил как актер и режиссер в Театре-студии киноактера. Мне не довелось поработать с Гариним вместе в какой-либо его постановке, но я знаю, и многие общие знакомые из актерской братии не раз мне говорили об этом, что он пользуется среди соратников глубоким уважением как справедливый и добрый человек, хороший товарищ, терпеливый и умный воспитатель и педагог. Как режиссер Гарин отнюдь не требует от исполнителей «маски», стремится и умеет разбудить творческую фантазию, подсказать нужный ход, выявить скрытые, потенциальные возможности исполнителя. А ведь в режиссерской работе все это, особенно терпение, — главное, знаю по собственному опыту и как актер сам требую от режиссера терпеливого и внимательного, чуткого к себе отношения.

Да, Э. П. Гарин бесспорно благородный, справедливый, душевно богатый и чистый человек и большой художник! У меня такое ощущение, что во второй половине зрелой творческой жизни Гарину не удалось встретиться (и, видимо, ему не помогли в этом) с масштабной ролью, которая дала бы материал для всестороннего раскрытия его необычных и огромных творческих возможностей. Быть может, следовательно, попытка создать сценарий, герой которого предназначался бы специально для исполнения Гариним и представлял бы возможность свободного и раскованного выявления им своего многогранного таланта. Кто знает, быть может, в этом случае мы увидели бы и такие новые его грани, о существовании которых не подозревал и сам Гарин. Ведь известно, что в свое время Г. Козинцев и Л. Трауберг прочили Эраста Павловича на исполнение роли большевика Максима в своей знаменитой трилогии. И не случайно таким успехом пользовались выступления Гарина по радио (постановка и исполнение главной роли в «Пусиме» А. С. Новикова-Прибоя, ряд подготовленных им радиокомпозиций по произведениям В. В. Маяковского и другие).

Подтверждение этой своей мысли я нахожу и в том, что в конечном счете, несмотря на широкое использование метафор, на эксцентризм, гротесковость, гиперболическое заострение образов многих его персонажей, в первооснове своей творчество Гарина реалистично. Он умеет не только предельно обнажить мерзкую сущность отрицательных героев и выставить их на всеобщее осуждение, но и высветить, сделать ощутимо зримыми добрые, заслуживающие доверия и подражания качества тех героев, у которых эти качества имеются.

Гарину в эти дни «стукнуло» 75. И в этой связи мне, как его товарищу по искусству, особенно хочется поздравить, чтобы ему хватило сил и здоровья (которое он так не щадил, целиком отдавая работе) для продолжения своего благородного и столь плодотворного творческого труда.

● Народный артист СССР
Э. Гарин.

Фото В. Кузнецова.